Рухнувшие небеса

Автор:
Сьюзен МакКлайн

Рухнувшие небеса

Сьюзен МакКлайн

Покинувшие небо #1

Ее жизнь – цепочка скучных, однообразных событий. Она привыкла не получать того, чего хочет. Неуклюжая Скайлер Грейс, пытающаяся найти ответы на загадки своего прошлого, однажды сталкивается кое с кем, кто переворачивает ее жизнь вверх тормашками и превращает в сущий Ад. Самоуверенный, самовлюбленный Габриель Эйнсфорд – тот, из-за кого Скайлер начинает еще больше ненавидеть свою жизнь, становится для девушки настоящей занозой в заднице. Они постоянно сталкиваются на улицах, случайно встречаются, отчего у Скайлер появляется мысль, что Габриель «ненароком» ее преследует. И это раздражает ее. Девушка пытается забыть раз и навсегда об этом парне, но не получается. И вот, в один роковой вечер она узнает от Габриеля кое-что о себе, что ломает ее привычную жизнь навсегда…

Сьюзен МакКлайн

РУХНУВШИЕ НЕБЕСА

Мое сердце было покрыто льдом, который ты вскоре растопила.

Мои мысли были однообразны, но ты их изменила.

Ты помогла мне взглянуть на мир другими глазами.

И отныне я чувствую связь между нами…

Они среди нас.

Небеса рухнули.

Они стали другими.

Мир стал другим.

Я буду рядом

Даже когда этого не потребуется…

Я стану твоей тенью,

Только ты не оглядывайся.

Я буду охранять твой сон,

Только ты не просыпайся,

Даже если небеса затянутся тучами, знай,

Я буду рядом всегда…

Не бойся меня.

Я не враг.

Не убегай от меня.

Никогда.

Я не причиню тебя вреда.

Обещаю.

Под небывалыми небесами.

Я буду с тобой.

Ты не одна.

Помни.

Ты не одна.

А со мной…

I

Улыбаться, как идиотка.

Разносить заказы.

Желать приятного аппетита.

Это все, что надо делать мне, чтобы не вылететь из самого отстойного места – кафе «Эдем на Земле». Конечно, почему оно отстойное я могу перечислять достаточно долго, но назову, пожалуй, самую вескую причину – здесь мало платят. Ну а насчет всего остального – терпимо. Еду, которую тут предлагают посетителям, можно употреблять в пищу только в том случае, если ты не знаешь, в каких кошмарных условиях она готовится. В общем, полная антисанитария. А райское название… я всегда размышляю, почему это чертово кафе его носит. Во-первых, как я знаю, Эдем – это райский сад. А тут, извините, это кафе не имеет с ним ничего общего. Грязный пол, завядшие на подоконниках растения, неприятный, дешевый запах кебаба [1 - Кебаб (от перс. kabab «жареное мясо») – блюдо азиатской кухни, которое традиционно готовят из рубленой баранины, жаренной на шампурах.] в помещение. Разве такое ужасное место может носить подобное, прекрасное название? Хм, видимо, может. Ну, если уж мистер Джердж, – купивший эту забегаловку и управляющий ею, перед входом повесил вывеску «Эдем на Земле», значит, он считает кафе достойным носить его. Ах, да, ну раз это так, то и, наверное, нас он считает кем-то больше, чем обычным персоналом. Ангелами. Невинными, светлыми созданиями. И даже вечно сопливого и неряшливого Генри, скорее всего, видит с белыми крыльями да нимбом над головой.

Джердж в принципе неплохой мужчина, но ему пора научиться смотреть на вещи реальными, а не мечтательными глазами. Тогда бы он сменил название на другое. И, возможно, наконец, заметив, какую тяжелую работу нам приходится выполнять в этой дыре, повысил бы зарплату.

– Скай! – окликнул меня Брэндон. – Нужно отнести заказ на пятый столик! – Он кивнул в сторону подноса, что-то записывая в блокноте.

Я измученно выдохнула и, кинув усталый взгляд на него, отнесла посетителям еду и пожелала им приятного аппетита заплетающимся языком. Не знаю, какой раз за сегодня повторяла эти чертовы слова: «Пожалуйста. Ваш заказ. Приятного аппетита», но когда произносила их, возникало желание повеситься. Конечно, мне не нравилась здесь потеть, исполняя прихоти капризных людей, но приходилось, потому что деньги какие-никакие, а были нужны. Тем более в такие нелегкие времена.

Я подошла к бару и уронила на него голову, затем начала биться лбом об отполированную Райаном до блеска поверхность.

Ненавижу эту гребанную жизнь.

Почему все так сложно?

Почему нельзя просто взять и убежать от проблем?…

Чьи-то ладони упали на мои плечи. Я слегка дернулась.

– Эй, мисс Сумасшествие! Так и народ недолго спугнуть!

Подняв голову, я увидела широкую, белоснежную улыбку и зеленые глаза, смотрящие на меня. Брэндон. Он стоял рядом, медленно массируя мои плечи и заставляя чуть ли не стонать от удовольствия. Его пальцы снимали с меня напряжение, расслабляли уставшие до жути косточки. Парень так часто делал, чтобы вернуть меня в «прежний вид» и натянуть на мое недовольное лицо хоть какие-то признаки улыбки.

Уголки губ медленно поднялись вверх, и я приземлилась на стул из-за подкосившихся ног. Его массаж – это, наверное, единственное, что радует меня в пределах этой стайки и не дает думать о плохом. По крайней мере, на время. Ловкие руки Брэндона – своего рода лекарство, недолго отделяющее от реального мира.

– Скажи, какого черта ты делаешь тут с таким талантом массажиста? – спросила я, подпирая рукой голову, чтобы та случайно не упала из-за решивших отдохнуть мышц.

Он засмеялся, хлопая по моим плечам.

– Потому что мне нравится приносить удовольствие таким девушкам, как ты, а не каким-то морщинистым бабушкам без бюстгальтеров. Конечно, никто за это не платит, но… ты бы могла хотя бы поцеловать меня в щеку, – Брэндон повел бровями и ткнул указательным пальцем в свою скулу, приближая лицо.

Я ухмыльнулась, оттолкнув его.

– Обойдешься.

Он натянул наигранно-обиженное выражение, которое быстро сменилось на чрезвычайно веселое, когда его огромные глаза уставились на часы, висящие над нами.

– О, да нам осталось совсем недолго тут проторчать! – ликующе произнес шатен и пригнулся к Райану. – Сделай нам сок. С коньяком, – почти шепотом сказал ему.

Тот кивнул и достал стаканы. Я угрожающе выставила указательный палец, чуть ли не тыча им в бармена.

– Райан, мне просто сок, хорошо? – попросила я, заполучая от Брэндона недоумевающий взгляд. – И как в тот раз с пивом в молочном коктейле не прокатит. Я слежу за тобой.

Парень улыбнулся и принялся за работу. Он идеально отполировал стаканы, затем наполнил их оранжевой, сочной жидкостью со льдом, кинул трубочки и в емкость Брэндона незаметно добавил алкоголя. Если бы кто-нибудь заметил Райана за делом, как он спаивает персонал в рабочее время, то ему бы точно не поздоровилось. Ну и нам, естественно.

– Последний раз рискую своей задницей для вас, – блондин придвинул напитки, озираясь вокруг. Не обнаружив слежку за собой, он облегченно выдохнул.

Я улыбнулась, помешивая сок и чуть ли не окуная в него нос.

– Пахнет нормально. Коньяка не чувствуется. – Я отпила из стакана, Брэндон тоже последовал моему примеру и пустил жидкость в рот, сперва отвернувшись от посетителей. – Эм, спасибо.

– И да, это не за счет заведения, – Райан обнажил свои ровные зубы, увидев наши разочарованные лица.

Я отложила напиток и полезла в карман джинсов, пытаясь пальцами нащупать деньги. Но тут мое запястье взял Брэндон, медленно притягивая к себе и накрывая мою руку пальцами.

– Скай, я как мужчина должен заплатить за даму, не считаешь? – он осторожно положил мою руку на колено, словно думая, что та неожиданно дернется и вновь полезет за долларами.

В этот момент Райан оглушил нас диким хохотом. Я с недоумением уставилась на него, как и Брэндон.

– Вы бы себя видели! – парень вытер кожу под глазами, охая. Если бы он был девчонкой, то каждый раз при обильном смехе ему бы приходилось заново наносить на ресницы тушь из-за огромного количества «пролитых» слез, смывших ее. – Такие лица! Будто вам сказали, что сбили соседнего котенка! – Он резко выдохнул, успокаиваясь. – Не парьтесь! Платить не нужно. За счет заведения.

Я с подозрением оглядела Райана и кинула взор на Брэндона. Тот пожал плечами и вновь присосался к своему чудаковатому коктейлю.

– Серьезно, да? За счет заведения? Интересно, – я постучала пальцем по подбородку, изображая театральную задумчивость, – сколько раз мы – в основном вы – не платили и не попадались? Двадцать? Пятьдесят?

Мой друг подавился напитком, затем, откашлявшись, всучил его блондину.

– Что-то перехотелось пить, – кратко улыбнулся он и, повернувшись ко мне, подпер лицо ладонью. Половина его тела находилась на барной стойке, а свободная рука безвольно свисала вниз. Брэндон просто излучал усталость.

Такое состояние у него было каждый раз где-то под конец работы, ну а у меня – с самого утра, когда я только просыпалась и вспоминала, что сегодня моя смена и нужно идти в «райское» местечко на Земле, чтобы зарабатывать жалкие доллары.

– Да ладно вам! – закатил глаза Райан, увидев, как я тоже протягиваю ему сок. – Узнают, ну и что? Свалим все опять на Генри, – он кивнул в сторону, где наш «чистоплотный» коллега с усердием ковырял в носу и при этом умудрялся переключать музыку на плеере. Тот с каждым разом углублял палец все глубже в ноздрю, что мне казалось, будто он так искал ни то, что хотел, а золото.

Какая мерзость. Хорошо, что Генри только забирает грязную посуду, которую потом тщательно моют. Я бы, например, даже не вынесла того и взбесилась, если бы он прикоснулся к чистой тарелке – потом в нее положили бы еду (причем не для меня) и подали какому-нибудь посетителю. Это же верх отвратительности!

Я кинула взор на худощавого паренька, занятого очень «важным» делом и сморщилась. Конечно, я не была «за», чтобы вновь подставляли его, но и «против» – тоже. Ребята неплохо относились к нему, как и я, но часто подкалывали. И… подставляли. Один раз, когда Брэндон и Райан опустошили несколько бутылок из бара, не заплатив, об этом узнал мистер Джердж. Управляющий, конечно, не был в курсе, кто совершил такой подлый поступок, поэтому моим дебильным друзьям это вышло на руку. Они наплели ему, что алкоголь выжрал Генри. Естественно, Джердж был в ужасе и чуть ли не убил беднягу, поймав. И вот, начиная с того момента, Брэндон с Райаном почти постоянно сваливают всю вину на Генри, но а тот ничего не может им сказать в свою защиту. Он просто молча мстит им. Молча забирает их чаевые и остается замеченным только мной при этом деле. Ну а я, честно сказать, не нахожусь ни на чьей стороне. Скорее, я на нейтральной позиции. Никогда не сдаю ни своих друзей, ни Генри. Это их проблемы, а не мои.

– Ты как хочешь, – посмотрела на Брэндона, который постукивал пальцами по стойке, – а я собираюсь заплатить за себя.

Я кинула несколько купюр Райану; он забрал их с измученным выражением лица, озорство в его голубых глазах растаяло. Когда-то я сравнивала своего приятеля с ангелом – такой же светлый снаружи, улыбчивый, но когда узнала, какие черти в нем водятся на самом деле и что под таким милым обличием скрывается

бармен-халявщик, любящий бесплатно попить коктейли на работе, перестала это делать. Не такой уж он и невинный, хоть и очень добрый.

– Скай, ты даже повеселиться не дала! – прохныкал он. Брэндон, видимо, не хотел оставаться в «задолжниках», поэтому тоже всучил бармену пару долларов и поднялся вслед за мной. – Отлично, и ты вместе с ней!

Я улыбнулась и, взглянув на время, пошла переодеваться. Рабочий день, наконец, закончился, и мы с Брэндоном были свободны. Жаль, конечно, что Райан не присоединился к нам – он каждый день (кроме выходных) пахал с утра до поздней ночи, поэтому не мог вступать в наши ряды «бездельников-по-вечерам». Вообще, если честно, мне его было жаль. Он трудился больше всех, без конца смешивал напитки, при этом запоминая рецепты новых, и не жаловался в отличие от нас, хотя я видела, как ему приходилось нелегко. Уж простоять на ногах больше десятка долбанных часов, наводя в стаканах определенную жижу и стараясь выглядеть энергичным, – не так легко.

Когда мы закончили с переодеванием, Брэндон открыл мне дверь, и я нырнула в проем. Погода на улице радовала – не ощущалось ветра или не чувствовалось мелкого дождя, который прошелся ночью. Несмотря на то, что стояла мокрядь, было достаточно тепло для вечера в Нью-Хейвене. Небо начинало раскрашиваться в темные краски, еле видимые звезды потихоньку появлялись на нем, помогая тусклой луне освещать пока не погрузившийся в глубокую ночь город.

Брэндон вышел следом, сунув руки в карманы спортивных брюк.

– Эй, тебя подвезти? – спросил он, наблюдая, как я посматриваю по сторонам.

Отец не приедет за мной, потому что еще, наверняка, на работе, Карен – тоже не вариант – у нее и так других дел полно, так что, остается Брэндон.

– Было бы чудно, – кивнула я, сжимая лямку сумки.

Парень кивнул в сторону своего серенького пикапа и направился к нему. Если честно, я не любила ездить с ним в его тачке – она постоянно гремела, как консервная банка или глохла на полпути, и меня это ужасно бесило. Хоть я не имела никакой машины, но считала, что это намного лучше, чем быть

обладателем старой развалюхи, доставшейся от отца. Если бы мне вручили ключи от такого пикапа и сказали: «Он твой» я бы при первой возможности подожгла его или въехала в приличный столб. И судя по выражению лица, Брэндон пару раз пытался сделать что-то из перечисленного, но у него, к несчастью, не получалось.

Какая ирония…

Открыв скрипящую дверцу, я забралась в машину. Брэндон плюхнулся за руль и вставил ключ зажигания. Как только пикап «проснулся», чем-то завоняло. Я и понять не могла чем, но было ощущение, словно в бензобак кинули труп мертвого животного, который вскоре ожил по непонятным причинам, нагадил, потом вновь сдох.

Ну и запашок.

Я незаметно закрыла нос пальцами, Брэндон это заметил и покраснел. Господи, поскорей бы оказаться дома…

– Некачественный бензин, – объяснился он, морщась.

– Я так и поняла.

Когда пикап остановился возле двухэтажного, серого здания, мои легкие обрадовались больше, чем любые другие органы. Поблагодарив друга, выпрыгнула из авто и, остановившись возле железной калитки с интересным узором, помахала парню. Тот улыбнулся мне. Через секунды машины уже не было, и я, закрыв глаза, наслаждалась свежим воздухом. Боже, еще чуть-чуть и умерла бы самой нелепой смертью в мире, находясь в самом отстойном пикапе за всю историю. А самое удивительное, что мы доехали без происшествий.

Я прошла по каменной тропинке к двери. Хорошо, что не пришлось искать ключи в сумке и мучить замочную скважину – свет горел в окнах, свидетельствуя о том, что в доме кто-то есть. Точнее, папа.

Сегодня он вернулся с работы раньше, чем ожидалось.

Улыбка наползла на мое лицо. Зайдя в дом, я бросила сумку на пол и стала бегать глазами по светлой гостиной, ища отца. На бежевом кресле лежала папка для бумаг и как всегда была мега переполненной, а самого ее обладателя не наблюдалось. Мой папа работал полицейским, и в основном многие, незакрытые дела людей взваливались на его уставшие плечи, потому что, якобы, по словам коллег – он справлялся с ними в сто раз лучше кого-либо. Не правда. Те просто не хотели сами разгребать все это, ибо у них не хватало извилин в голове, чтобы выполнять такие сложные задания, посильные лишь моему отцу. Я много раз уговаривала его уйти из полиции, заняться чем-нибудь другим, но он не желал меня даже слушать. У него была одна отговорка: «Нам нужны деньги. С этой работой у нас есть шанс держаться наплаву. Если я брошу ее, мы утонем, потому что я, Скай, не смогу найти лучший вариант зарабатывать деньги». Конечно, я спокойно бы принимала такое объяснение, если бы папе платили справедливо за его адские труды. Но, увы, остаюсь недовольной тем, что единственного моего родителя заваливают с ног до головы работой каждый божий день. И каждый божий день я вижу его так редко. А иногда он просто не ночует дома. Из-за чего? Из-за долбанной работы!..

Я обнаружила отца смотрящим в окно и потягивающим кофе. Заметив меня, он отложил кружку, и я его поцеловала в щеку, затем обняла. Папа улыбнулся, заправив локон моих волос за ухо и отпрянув.

– Как ты, мой ангел? – ласково поинтересовался он. Слегка шершавая ладонь легла мне на щеку.

Я закрыла глаза, сдерживая слезы. Помню, когда была маленькой, меня так часто называли родители. Это… происходило так давно, что думаю, словно от того момента прошла целая, длинная вечность. Вечность, где я радовалась и светилась от счастья. Вечность, где мама жила…

– Улыбаюсь, значит – нормально, – я разлепила веки и взглянула в карие глаза отца, держа уголки губ поднятыми. Он стоял в униформе, из которой практически не вылезал, глубокие морщинки в некоторых местах прорезали кожу, давая знать о немолодом возрасте, темные волосы, как всегда, пребывали в небрежном виде – у отца не находилось времени их расчесать, так же, как и побрить щетину на пол лица.

– Это хорошо.

Папа чмокнул меня в лоб и вновь взялся за свой кофе. Лицо помрачнело, тяжелый вздох вырвался из груди, когда человек по рации, висящей на его ремне, сообщил, что нужно срочно ехать в участок, захватив дела. Посмотрев на меня извиняющим взглядом, он сказал своему коллеге, что скоро будет на месте. Я оставалась стоять на месте, только на это раз не сдерживая слез. Мне было чертовски обидно, что единственный, родной человек отдаляется от меня с каждым разом все больше. Он не находится рядом, когда это требуется, не знает, что творится в моей жизни и почти не участвует в ней…

Как бы я хотела вернуть те времена, где отец не окунался с головой в работу, и мама была с нами. Но, к сожалению, это невозможно. Прошлое нельзя вернуть.

Папа, увидев, что я плачу, неуклюже обнял меня.

– Детка, что случилось?

А он, будто не знает!

– Ты постоянно пропадаешь на своей работе! – я сделала шаг назад, убрав его руки со спины. – Ты… ты даже не думаешь, что, например, мне это не нравится! Не думаешь о том, что ты мне нужен, пап.

Болезненный комок застрял в горле, хотелось кричать, рушить все подряд прямо здесь и сейчас, но я не позволяла себе такого удовольствия, сославшись на то, что отец неправильно отреагирует. Еще отправит в психушку после подобной сцены…

– Я люблю тебя, Скай, – прошептал он, приковав печальный взгляд в пол. – И я знаю, как ты сильно не одобряешь то, чем я занимаюсь. Просто у меня нет другого выхода. Мне приходится работать таким неопределенным режимом, чтобы получать хоть какие-то деньги и содержать нас. Раньше твоя мама…

– … знаю, – я закрыла глаза, громадные капельки слез скатились по щекам. – Она тоже приносила доход в семью. А сейчас ты думаешь, что один это делаешь? Я специально устроилась на работу, чтобы помочь тебе погасить кредит за новую мебель для нашего дома.

Он громко выдохнул, переминаясь с ноги на ногу.

– Я очень благодарен тебе, ангел, но то, что ты получаешь – хватает нам, чтобы купить еду на неделю. И все. Этих денег мало. И они не играют особой роли в бюджете нашей семьи.

Не играют?…

Это прозвучало, как оскорбление. Мне словно дали смачную пощечину. Я столько пропадаю на работе, чтобы потом он мне сказал такое? Я пыхчу на ней, получается, почти без толку? Просто так? Практически каждый день просыпаюсь рано утром для того, чтобы сходить в одно отстойное место, отстрадать там пару тройку часов и в конце месяца получить зарплату (если ее так можно назвать) аналогичную той сумме, которую мы тратим на предназначенные на неделю продукты?

Я не могла ничего ответить отцу. Слова, желающие вырваться наружу, застряли где-то в горле, и мой рот тупо был открыт. Мне не хотелось кричать на папу, поднимать истерику или еще что, я просто развернулась и направилась быстрыми шагами к лестнице, вытирая соленые слезы. Он пытался меня остановить и извиниться, но хреново у него это получалось. Никогда не понимала таких людей, которые говорят что-то правдивое и обидное, а потом пытаются нелепо просить прощения. И для чего они это делают? Чтобы доставить кому-то боль?

– Скай, прости. Я не…

Папа не закончил предложение, потому что я, влетев в свою комнату, захлопнула дверь перед его носом, чем, наверное, показала, что моя обида все-таки достигает высокой метки, а не низкой, как он наверняка думал. Отец никогда не следил за своими словами и мог наговорить много того, отчего потом захочется возненавидеть свою и так дерьмовую жизнь еще больше.

Я любила его. И у меня не было причин его ненавидеть. Почти. Такие случаи всегда сопровождались моими слезами, а ком ярости постепенно рос внутри, не решаясь выбираться наружу. И, видимо, сейчас он приобрел достаточные размеры и вырвался на свободу, когда мое терпение, перекрывавшее ему дорогу туда, лопнуло, словно мыльный пузырь. Надоело уже день изо дня оставлять его

преданность к работе без комментариев. И я питала гнев к отцу, что после гибели мамы он променял единственное, что у него осталось – меня на какие-то гребанные бумажки. Не знаю, какая главная из причин у него была, что он практически жил в своем офисе: может, таким образом он пытался не думать об утрате родного для нас человека, забивая даже крохотное, оставшееся место в голове мыслями о работе, или же по его объяснению – пустился во все тяжкие, чтобы мы могли платить за кредит и хоть на что-то жить. Но сколько бы я тогда ни злилась на папу за то, что он не проводил со мной время, казалось, этой злости не хватало, чтобы высказать ему все раньше. До этого момента я лишь признавалась в своем недовольстве в… более мягкой форме. А тут меня прорвало. И в итоге получилось вот что: отец обидел меня, а я – его, сделав легкий намек, что он непутевый отец, который не может даже выполнять элементарных обязанностей любого родителя – уделять ребенку немного своего времени, пусть тот и семнадцатилетняя девушка со свойственным подросткам несносным характером. Конечно, если посмотреть на эту ситуацию с другой стороны, почему он переехал на работу, то можно его понять. Он стал трудиться в полную силу, чтобы обеспечивать нас. Днями и ночами. Ночами и днями этот замученный и уставший от рутины мужчина, в котором с каждым разом я все меньше видела своего жизнерадостного, внимательного отца, пыхтел на работе, чтобы у нас имелись хоть какие-то деньги.

Я видела, как папа мучился. Как приходилось ему тяжело. Этот адский труд, постоянная нервотрепка, депрессия. Не каждый бы придерживался его позиции долго. Кроме него самого. Можно было бы назвать моего отца героем, что он терпит все это и до сих пор не плюет на эту адскую работу, но, как известно, каждому герою нужен помощник. И когда у меня наступили летние каникулы, я примчалась помогать ему. Устроилась в отстойное кафе, где платят… не могу сказать, что нормально. И большой плюс, что я, отныне, потею в коморке с облезшими стенами, это не то, что мне выдают вообще какую-то зарплату, а то, что в ней я познакомилась с двумя классными ребятами – Брэндоном и Райаном (о чем явно не жалею).

Мои ноги подкосились. Сползая спиной по двери, я оказалась на полу. Слезы жгли глаза. Я не знала из-за чего именно плачу: из-за того, что отец, который сейчас находится по ту сторону и нелепо пытается извиниться, не уделяет мне никакого внимания и считает, что моей зарплаты примерно хватает на пару банок среднекачественого йогурта, или из-за того, что мне не везет с работой, как и ему.

– Скай, доченька, – голос отца донесся до моих ушей.

Я шмыгнула и подняла голову, обнимая коленки. Мне было нечего опасаться – папа не зайдет сюда, если не хочет усугубить ситуацию в триллион раз. Он знает, что когда я расстроена и плачу, мне необходимо побыть наедине с собой.

Я не ответила.

Ну а зачем? Что ему говорить?

– Я не хотел обижать тебя. Правда. Ты знаешь, в какой мы нелегкой ситуации находимся. Я прошу, отнесись к этому без слез. Что есть, то есть. И ты не должна расстраиваться из-за того, что сейчас происходит у нас в семье.

Черт. Он лучше ничего не мог сказать?

Утешил, так утешил.

Я вздохнула – а так хочется вернуться к тому, что было…

– Скай, ты слышишь меня? – спросил он мягким тоном. Его идиотская рация вновь дала о себе знать. Выругавшись, папа сообщил напарнику, что уже в пути, а затем я почувствовала, как его большие ладони легли на дверь. – Прости меня за это. Если бы все можно было изменить, я бы изменил. – Он отошел, его тень, просачивающаяся через щелку, уменьшилась в размерах. – Не жди меня сегодня.

И он ушел. Я опять осталась одна в доме, шмыгая носом и пытаясь тщетно успокоиться. Надоело, что такое происходит регулярно: отец уматывает на свою «любимейшую» работу, оставляя меня в полном одиночестве в этом жилище, где большинство предметов напоминают о маме, о тех временах, когда мы втроем были вместе, были счастливы. И даже не думает, что он мне нужен. Я потеряла одного родителя, а другого – почти теряю. Что делать? Я хочу, чтобы папа хотя бы редко интересовался, что происходит в моей жизни и со мной. Он отдаляется от меня, а я – ничего не могу с этим поделать. Достучаться до него? – нет, не выход. Во-первых, отец по многим причинам не может перестать работать в той полицейской конторе и уделять мне хоть немного своего внимания, во-вторых, он уже не тот, кем был раньше – гибель мамы изменила его окончательно, и,

если решит снова наладить со мной отношения, то будет совершенно другим. В общении. В действиях. Во всем. И я не буду чувствовать с ним себя так, как когда-то.

II

Назойливое гудение телефона разбудило меня. Я не заметила даже, когда успела уснуть, плача в подушку. Прогоняя сонное состояние, взяла его с прикроватной тумбочки, в душе громко ругаясь, кто может звонить мне в полночь, да тем более, когда я не бодрствую. В сходящем с ума смартфоне высвечивалось имя Карен – моей лучше подруги, и я в принципе не особо удивилась, что это была она, а не кто-то другой. Но какой нормальный человек станет звонить в такое время, кроме нее?

Я закатила глаза, нажимая на заветную кнопку.

– И совсем не имеет значения, что я пять секунд назад сладко спала и видела третий сон, – заплетающимся языком произнесла, садясь в постели.

Смех Карен – резкий, громкий, вызвал по моему телу мурашки. Вот в чем мы были и похожи с подругой, не считая одинакового темно-орехового цвета волос, так это в неумении по-человечески смеяться. Всегда ржали так дико, что вызывали у окружающих сомнения по поводу наличия у нас адекватности.

– Как я ни позвоню, ты вечно спишь, – пропела она, помимо ее голоса еще гремели чьи-то крики, и издавалось зловещее рычание. Только Карен может в такое время суток не смыкать глаз, доставая меня телефонными звонками при просмотре зомби-сериала «Ходячие мертвецы», и есть жирные куриные ножки. Да, она любитель потрепать свои нервишки перед сном и во время какой-нибудь кровавой резни, развернувшейся в экране ноутбука, полакомиться мясом. Не зря я боюсь ее злить, ведь неизвестно на что способна девушка, владеющая боевыми искусствами, постоянно смотрящая «Ходячих мертвецов» и обожающая поедать плоть мертвых животных, сидя на кровать, под которой спрятан чемоданчик с ножами всех видов. Не могу сказать, что точно знаю, для чего ей нужен этот арсенал под койкой, но как уверяет моя подруга, он ей необходим, чтобы в случае чего защищаться от маньяков и прочих уголовников, желающих

забраться в ее комнату. Честно сказать, если оно и так, то любой маньяк и прочая уголовщина в здравом уме ни за что не полезут к ней в спальню, если узнают, кто такая Карен Джонс. Вообще, не она должна бояться их, а они – ее. Да и вообще, я никогда не понимала, с чего моя чокнутая подруга взяла, что к ней обязательно нагрянет какой-нибудь идиот, натянувший на лицо дырявые колготки. Просто, кое-кому нужно меньше сидеть в интернете и смотреть всякую фигню вроде криминальных фильмов и ужастиков.

– Потому что ты обычно звонишь ночью, ведь так? – ухмыльнулась я, с широко-распахнутыми глазами слушая, как на конце провода какой-то наверняка сумасшедший мертвяк грызет кого-то еще живого, а тот захлебывается… кровью? – Какая серия? – спросила ради интереса.

Сама я подобные сериалы не смотрю, не хочу портить и до того слабую психику.

– Шестая, – восхищенно ответила Карен, затем что-то зашуршало, и она завизжала. Как мне жаль ее родителей, они, наверное, никогда не спят из-за нее. – Мочи его, Дэрил! Давай! Раздолби ему черепушку! Еху!

Мои глаза готовы были выпасть из орбит. Я сглотнула.

– Карен?

Она напоследок пискнула, что-то вновь зашелестело.

– Ох, черт. Извини, Скай. Тут был такой классный момент, и телефон выпал из руки. – Она ухмыльнулась. – Приземлился прямо в ведерко с ножками. – Я поморщилась, когда услышала булькающие звуки. Оказывается, была права, что она опять ела то, с помощью чего раньше бегали бедные курочки. Да, я не любительница мяса. – Ох, весь в соусе. Подождешь, пока я слижу его, а то он мешает мне тебя хорошо слышать?

Меня чуть ли не стошнило, когда Карен провела, скорее всего, языком по экрану и смачно чавкнула. Она была явно не брюзгой, и ее мало волновало, сколько микробов только что попало в ее рот вместе с соусом.

Я постаралась сдержать рвотный позыв. Это был не единичный случай, когда Карен вытворяла неординарные и не совсем нормальные поступки. Как-то раз ей пришлось своровать у продавца хот-дог, потому что она забыла деньги дома и сильно хотела есть, а потом – сломя голову от него удрать. Тогда подруга получила кое-что совершенно бесплатно, но так же заработала огромный синяк на заднице, снеся деревянное ограждение во время убегания от разъяренного толстячка в заляпанном кетчупом фартуке.

Веселая у нее жизнь, что сказать.

– Ты закончила? – осторожно поинтересовалась я.

Карен ухмыльнулась.

– Кажется, тебя слышно лучше. Да, закончила.

– Так насчет какого важного повода ты решила меня разбудить? Учти, я не стану болтать с тобой сейчас. Ты смотрела вообще на время?

Она фыркнула.

– Детское время, детка, – кинула, наверное, улыбаясь во все тридцать два зуба.

Я хмыкнула, рассматривая комнату в тусклом лунном свете и садясь поудобнее, рассчитывая, что Карен будет еще довольно долго говорить.

– Ну, так ты отчитаешься, что тебе надо, а? – я зевнула. Глаза потихоньку слипались.

– Что, так не терпится от меня избавиться?

– Угадала, – лопатками углубилась в подушку и сомкнула веки.

– Хах, не отделаешься от меня так просто, Грейс, – «обрадовала» она, злорадно смеясь. Я искренне жалела ее бедных, желающих нормально поспать родителей, которые, наверное, уже думали, что их дочь давно с катушек съехала. – Сегодня в час ночи будет концерт в «Мо». Выступает «Сладкое забвение». Лучшая ночь,

лучшая группа Нью-Хейвена в лучшем клубе.

Я опять зевнула. Сон потихоньку сгребал меня в свои объятия.

– С последним еще можно поспорить, – подметила я, вспоминая «уютную» атмосферу «Мо» и не закрывающиеся туалетные кабинки в нем. – Ладно. Но а я-то тут причем?

Карен громко ухмыльнулась.

– Шутишь? Выступает группа «Сладкое забвение»! – она цокнула языком. – Я знаю тебя, знаю, какая ты чертова бука, но ты обязана пойти со мной, а иначе, – затихла на секунду, – я заставлю тебя смотреть «Ходячих» вместе со мной! Весь день!

– Нет, – простонала я. Сон как рукой сняло. Ненавижу этот сериал из-за переизбытка крови, насилия и живых трупов. – Ты не посмеешь.

– Ох, еще как посмею! Так значит, пойдешь со мной на концерт? Учти, я еще не весь пятый сезон досмотрела.

У меня не осталось выбора. Уж лучше это, чем хотя бы час просмотра «Ходячих мертвецов».

– Черт, – выдохнула. – Ты в курсе, что я устала, недавно пришла с работы и ужасно, ужасно не хочу двигаться.

– Я тебя умоляю! Как только твои маленькие ушки услышат, как поют «Забвенцы», тело забудет об усталости.

Я углубилась в свою память, пытаясь отрыть в ней немного информации об этой группе. «Сладкое забвение»… хм… название какое-то дебильное. Ах, да, кажется, что-то вспомнила о ней. Карен часто уговаривала меня пойти на выступление четверки парней с мрачными прикидами, о сексуальности которых болтала без умолку, а я вечно отказывалась, ссылаясь на усталость и не желание ходить в стремный клуб, где они выступали. Я ни разу не слышала их песен, но уверена, раз те нравятся моей сумасшедшей подруге, то мне – не

придутся по вкусу. Почему? Карен любительница тяжелого и обычного рока, а я – нет. Вот и все объяснение.

– Насчет этого еще не знаю, – выдохнула я. – Неизвестно, про что они там поют и какая у них музыка.

Карен недовольно фыркнула. Кто-то в ее сериале опять заорал.

– Это классные ребята, у которых не менее классные песни! – уверяла меня она. – Так, постой, ты вообще идешь? Да? Нет? – подруга злорадно ухмыльнулась. – Пятый сезон, Грейс.

Ох.

– Я пойду, наверное, – закатила глаза, проклиная себя за то, что сказала это. Мое тело ныло от усталости. Я была истощена физически и морально. Не очень-то и хотелось выбираться сегодня куда-то, тем более после того, что произошло недавно. – Но учти, моя кислая физиономия будет портить тебе настроение. Всю ночь. Ты так хочешь этого?

Карен замолчала; на конце провода воцарилась такая тишина, что я могла бы подумать, будто что-то случилось со связью, но когда она продолжила тихим голосом, то развеяла в моей голове эту мысль.

– Постой. Что случилось? Ты… из-за отца опять расстроилась?

Да, она знала, что происходит между мной и моим папой, ведь была мне очень близким человеком, которому я доверяла все секреты, делилась переживаниями и даже самым сокровенным. Карен Джонс являлась моей лучшей подругой, и ей было не все равно, что творится в моей непредсказуемой жизни. Она всячески пыталась поддерживать меня, поднимала меня на ноги и заставляла улыбаться, когда вообще не хотелось.

– Да, – призналась. – Высказала ему все. А он… – я тяжело вздохнула, – короче, давай не будем об этом.

– Хорошо, – согласилась с сомнением Карен. – Держу пари, что он до сих пор на своей чертовой работе.

Я горько ухмыльнулась.

– А то.

– Ну… в этом есть жирный плюс, – услышала, как подруга щелкнула пальцами. – Теперь-то у тебя нет никаких преград на пути к веселью, и ты точно пойдешь. Без всяких «Нет, Карен, я не попрусь туда, потому что расстроена, хочу спать, и у меня болит задница», усекла? Идешь. И точка. Тебе надо развеяться.

Лучшие подруги хороши тем, что когда ты не в настроении, они пытаются тебе поднять его, пусть не самыми хорошими способами (я об этом предстоящем концерте).

– Но с больной задницей ты переборщила, – подметила я, усмехаясь. – Уверена, что стоит меня брать туда?

– На сто процентов, Грейс! – ответила Карен. – Ты должна отвлечься и расслабиться. Тем более, ты никогда не была со мной на концерте «Забвенцев»!

Даже не представляю, что будет хуже: находиться в «Мо» и бояться, что в любую секунду старый пол под ногами может рухнуть, или смотреть, как на сцене скачут четыре парня в черном, исполняя наверняка непонятный, бессвязный рок, по которому тащится моя подруга.

* * *

Раздался треск гравия и звук заглохнувшего мотора. Не сложно было понять, что это Карен остановила свой красненький минивен на подъездной дороге. Ну кто в такое время, кроме нее, приедет ко мне в гости? Да тем более, она сказала, что будет тут для одной «важной» цели – нарядить меня на концерт «Забвенцев» и, если быть точнее, то сделать из меня их типичную, сумасшедшую фанатку наверняка с минимум одежды. Но, сколько я знаю Карен, она не позволит мне разгуливать в прикиде шлюхи и выставлять всем на обозрение свое нижнее белье, выглядывающее из-под жалких клочков цветастых тряпок. Скорее,

подруга заставит меня надеть то, в подобии чего, наверное, пойдет сама. Ее стиль в сто раз отличается от моего, и я не уверена, что и на этот раз она не сможет угодить мне. Карен – бойкая, смелая девчонка, ненавидящая платья, туфли и обожающая спортивные кроссовки с джинсы. Опираясь на ее вкусы, твердо могу сказать, что сегодня не пойду в какой-нибудь мини-юбке и не буду позориться, например, на двенадцатисантиметровых шпильках. Это, по крайней мере, радует. Но и идти в спортивной одежде на концерт я не хочу. Это будет глупо и нелепо. Я, конечно же, предпочла бы что-то среднее между ее стилем и моим – обычным, даже столь скучным, но, боюсь, Карен не понравится такая идея. Она всегда стоит на своем, и на сей раз не даст мне право выбора. По словам подруги – я не умею прилично одеваться, правильно наносить косметику и тому прочее, поэтому она заделалась моим личным стилистом. Причем хреновым стилистом, который, к тому же, просит плату за свои услуги. Пару раз Карен что-то чудила на мне и всегда, боже, всегда у нее получались ужасные эксперименты над моей внешностью. И на этот раз я что-то боюсь доверяться ей…

Несмотря на хреновое предчувствие и созданную картинку в голове, где я «прекрасно» преображена своей лучше подругой без какого-либо вкуса, подорвалась с кровати встречать ее. Намериваясь выскочить из комнаты, чтобы впустить Карен в дом, я услышала сзади громкий треск и шарканье чьих-то ног, а потом раздался шум удара кулака в стекло, отчего мне пришлось подпрыгнуть и остановиться. Страх не успел взять надо мной верх, когда я уловила приглушенный голосок Карен за спиной:

– Черт! Ты же знаешь, что я частенько так делаю! Какого… – я повернулась именно в тот момент, когда ее сгорбившаяся фигура прилипла к окну. Выглядело вполне устрашающе, и если бы я не знала, кто находится по ту сторону, точно бы упала в обморок. – Эй! – уловила в темноте, как подруга помахала тоненькой ручкой, другой делая козырек на лбу и пригибаясь, чтобы, наверное, лучше меня видеть в неосвещенной комнате. – Я знаю, что ты там, Грейс! Открывай чертову щеколду! А ни то выбью стекло.

Я засмеялась, прогоняя оставшийся страх и возвращая себе дар речи. Карен находила забавным лазать в мою спальню через окно, особенно когда я была под домашним арестом. А сейчас, просто не знаю, для какой цели она опять решила прибегнуть к такому способу. Вроде бы мой отец на работе, подруга знает об этом, да и в доме у меня, в конце концов, находится дверь, о существовании которой она наверняка не в курсе.

– Тебя не учили приходить к кому-то по-человечески? – ухмыльнулась, открывая окно и отодвигая раму.

Карен скорчила рожицу, вваливаясь в комнату.

– Знаешь, мой конек – необычность в действиях.

– Скорее – странность.

Приземлив свои ноги обутые в модные кеды на пол, Карен выругалась, когда ее расписная кофточка зацепилась за крючок в окне, не давая ей спокойно сделать шаг. Засмеявшись, я помогла высвободить вещь, видя тщетные попытки подруги сделать это.

– Ненавижу твое окно, – призналась она, поправляя кофточку с непонятным орнаментом и пытаясь разглядеть меня. – Включи хотя бы свет, ради Бога! Я ничего не вижу!

Я выполнила ее «просьбу». Комнату озарил яркий кислотный свет, и весь бардак, царивший в комнате, стал виден Карен. Я не смущалась перед ней по поводу того, что у меня была не заправлена кровать или не прибрано на столе, так как моя спальня была еще чистой, по сравнению с ее. Коробка с недоеденной пиццей под кроватью, столетняя пыль, грязные вещи в шкафу – этим «прославилась» Карен Джонс. В моей коморке с бирюзовыми пошарканными стенами и усыпанным крошками от пончиков ковром, по крайней мере, не создавалось ощущения, словно в ней недавно проводилась мини-вечеринка, после которой забыли убрать.

Карен, прищурившись, рухнула в кресло возле компьютерного столика. Ее темные, длинные волосы, покоившиеся на плечах, рассыпались по спине, когда она закрутилась на нем и кинула мне в руки рюкзак. Я неуклюже поймала его, сопровождая подругу вопросительным взглядом.

– Зачем мне он?

– В нем лежит то, в чем ты сегодня появишься перед «Забвенцами»! – она сжала кулак, затем резко разжала, шипя и, видимо, создавая звук, похожий на взрыв. –

Это будет бомба!

Не знаю, что там притащила Карен, но мне явно стало страшно, ведь ее вкус в вещах значительно отличается от моего. И я почти никогда не одобряю ее выбор.

– Там платье? – вопросила я, уже представляя, как будет хреново в нем. И неудобно.

Карен махнула рукой, закатывая глаза.

– Ага. Стала бы я приносить тебе платья, если сама ненавижу их, – она подняла густые брови, ее карие глаза сверкнули при свете. – Не тяни кота за яички, Скай! Открывай уже…

Моя медлительность бесила ее не меньше, чем любопытство.

Расстегнув молнию, я сморщилась. Отлично. Какая-то непонятная вещь. С дырками. Причем черная. Выражение лица все говорило за меня, поэтому Карен измученно простонала, вставая с места и доставая из рюкзака угольный… корсет? Немного вульгарный, с кучей вязочек и разрезами по бокам. Я невольно сглотнула. В нем даже из дома не выйду. Ни за что на свете. Мне этого не позволят мои скромность и стеснение.

– Я его не надену, – я отмахнулась от Карен, сующей в мои руки вещь – интересно, ее она отобрала у одной из стриптизерш в каком-нибудь ночном клубе или сама купила, не постеснявшись? – Буду выглядеть в нем пошло!

Карен выхватила у меня рюкзак и в разжатую кисть сунула корсет – я схватила его, намериваясь кинуть им в подругу, но она выставила руки перед собой, останавливая мое желанное действие.

– Тиши, Грейс! Ты его наденешь и точка, ясно? – пожала плечами, медленно опуская руки. – Когда-то же нужно взрослеть. Тем более, тебе скоро восемнадцать, а ведешь себя как малолетняя истеричка!

За последнее предложение мне захотелось вновь попытаться кинуть в нее корсетом, но подруга, по всей видимости, предугадала, что собираюсь сделать, и сжала мое запястье, где я держала стремную вещь.

– Почему именно корсет? – хныкала я, тщетно избавляясь от стальной хватки Карен. Годы бокса не прошли для нее даром.

Черт, наверняка на коже останутся синяки.

– Потому что там будет «Сладкое забвение», глупенькая! – она постучала пальцем по моему виску, заставляя морщиться. – Мы обязаны выглядеть лучше и заметнее всех куриц в клубе. «Забвенцы» должны посмотреть на нас и подумать: «Ах, вот они, наши самые ярые и сладенькие фанатки».

– Фанатки? – я приподняла бровь. Не знала, что когда-то стала поклонницей той сумасшедшей группы, песни которой никогда не слышала.

– Скоро войдешь в наши ряды, – подмигнула мне. – Скай, я не заставляю тебя делать ничего сверхъестественного, просто надень чертов корсет и сходи с лучшей подругой на концерт ее любимой группы! Тебе так сложно что ли? Тем более, у нас осталось меньше, чем… – взглянула на ручные часики, – полчаса, чтобы наштукатурить тебя и добраться до «Мо».

Вообще, я не очень любила клубы, поэтому и ходила туда редко: по праздникам (и то не всем) или в честь очередной победы нашей футбольной школьной команды «Бульдоги». Но сейчас… не могу сказать, что этот случай – посетить «Мо» и посмотреть на четверку секс-символов на сцене – какой-то особенный. Конечно, да, мне придется пойти с Карен туда, хоть я не особо горю желанием, и опозориться, надев тот идиотский корсет. Ведь что ни сделаешь ради лучшей подруги?…

– Черт, – приложила корсет к груди, представляя, какой буду испытывать стыд, когда явлюсь в нем в людное место. – Слушай, я напялю это только при одном условии…

Карен пожала плечами, опуская мое запястье – я потерла место, где была ее ладонь. Ну и хватка!

– Валяй.

– Поверх этого я надену… болеро. Ладно?

Карен вздохнула.

– Стесняешься своих сисек, я не пойму?

– Нет, скорее – этого корсета.

* * *

Темные джинсы, корсет, болеро и кеды – вот, что красовалось на мне. Карен не стала долго возиться с моей прической – расплела мои темные волосы и быстро уложила их волнами с помощью одной лишь расчески, не прибегая к горячему способу – с помощью плойки (на это у нас не было времени). С лицом она особо ничего не делала, только нанесла небольшой слой туши на ресницы и подвела мои и без того густые брови, делая акцент на бирюзовых глазах. В принципе, у нее вышло неплохо, чему я довольно удивилась. Моя личная стилистка – Карен Джонс на этот раз заслужила похвалы.

– Разве там не платный концерт? – спросила я, крутясь возле зеркала. Ужасный плотный материал сдавливал грудь, и приходилось иногда прерывисто дышать. Больше всего мне не нравилось то, что из-за корсета грудь поднялась вверх и казалась значительно больше. Но благо, что ее немного закрывало болеро на пуговке – оно было моим спасением. Если сниму его, буду чувствовать себя не в своей тарелке.

– По пятницам за вход не нужно платить, – ответила Карен, вешая на плечо рюкзак и заглядываясь на мою шею. Ах, да, недавно же наступила пятница. – Скай… – ее голос показался печальным, – ты не… не будешь снимать его? – кивнула на мой серебряный красивый крестик, затем сжала губы в тонкую полоску.

Я автоматически дотронулась до украшения. Оно – единственное, что осталось у меня в память о маме. И оно – единственное, что напоминает о ней. Два года назад она попала в аварию – сильно спешила домой. Ее автомобиль

перевернулся несколько раз и воспламенился. Как говорят, она погибла, когда машина совершила очередной виток в воздухе и рухнула на асфальт. Мама ушла на тот свет безболезненной смертью – мгновенной. Она не чувствовала, как пламя пожирало ее хожу (да и слава богу). Уж лучше погибнуть так, чем по-другому. Я узнала о случившемся в тот же день, мне сообщил папа, которому позвонили полицейские. Я просто не могла поверить в то, что человек, всегда находившийся со мной рядом и вырастивший меня вместе с отцом, погиб. Ушел, оставив после себя лишь пустоту и воспоминания. Мне тяжело далось осознать это. Я долго не приходила в себя, отказывалась от еды, плакала ночами и днями, понимая, что больше никогда не увижу маму и не смогу с ней поговорить. Я безумно любила ее. Как она могла попасть в аварию и «уйти», если была прекрасным водителем, даже лучше, чем папа? Возможно, ее машину занесло, или она не справилась с управлением, во что трудно поверить. Ничего из перечисленного, казалось, не было верным. Мне казалось, что в произошедшем несчастном случае было спрятано то, чего не видела я или до чего не могла догадаться… Авария не могла случиться, если посудить. Мама каждый раз отвозила машину на техосмотр, папа не раз возился с той в гараже, проверяя, в каком она состоянии и стоит ли что-нибудь чинить. Возможно, была упущена мелкая деталь, из-за которой произошло все, чему я не хотела верить.

Сразу после маминых похорон папа, не сказав мне ни слова и не посоветовавшись, выставил дом на продажу, велел собрать мне вещи и быть готовой к переезду в другой город. Я не понимала, почему он пришел к такому решению, но догадывалась: возможно, ему было больно находиться в доме, где когда-то смеялась и готовила свои фирменные блинчики мама. Где все напоминало о ней. Пусть это было правдой, я не знала, из-за этого ли же отец захотел сменить и город. В итоге, мы покинули Нью-Йорк и отправились в совершенно неизвестный нам город – Нью-Хейвен, в который ехать мне не особо хотелось по многих причинам. А одна их них была той, что папа так и не говорил, почему мы поменяли место жительства…

Я робко улыбнулась Карен – она знала все, что происходило с моей семьей в Нью-Йорке. И она постоянно успокаивала меня, когда мне нужно было поплакаться кому-то в рубашку (отца почти никогда не было рядом). Эта девушка с характером бунтарки бывала доброй, нежной, понимающей, и за все ее хорошие и даже плохие качества я ее любила. Не зря она моя лучшая подруга и тот человек, которым я дорожу. Пусть мы разные, и что? Разве это мешает нам быть самыми лучшими друзьями? Нет.

Я не жалею только об одном, когда мы переехали сюда – что я познакомилась с Карен Джонс.

– Никогда, – выдохнула, закрывая глаза и сжимая крепче крестик. Лицо мамы мелькнуло перед глазами. Из глаз чуть ли не полились слезы, но я сумела сдержать их, впившись ногтями в ладони. Я ни разу после гибели мамы не снимала ее подарок – это украшение. Оно мне напоминало о ней, и мне казалось, благодаря ему я все еще поддерживала какую-то тонкую связь между нами. Между загробным и живым миром…

Карен виновато опустила голову.

– Прости, если я…

– … все в порядке. Правда, – я распахнула веки, натягивая улыбку и указывая на дверь. – Пойдем. Давай повеселимся.

III

Мы сильно опаздывали на концерт. Красненький минивен Карен постоянно глох, чем напоминал развалюху-пикап Брэндона. Я закатывала глаза и предполагала, что это знак свыше, и мне не нужно было ей сегодня брать меня на выступление «Забвенцев». Возможно, не судьба, и моим ушам не нужно слушать их песни.

– Черт! Давай же, заводись! – скулила Карен, внимая и вынимая ключ зажигания. На ее лице был написан ужас вперемешку с раскаяньем. Ну, конечно, если она не попадет в «Мо» сегодня – это будет хуже конца света.

Я зевнула, совершенно безразлично наблюдая за ее действиями.

– Может, оставим это дело? – предложила. Сон потихоньку укутывал меня в свои объятия. – Направимся по домам, поспим?

Карен кинула на меня дикий взгляд.

– И бросим мою детку тут?! Не поедем на концерт?! Ну уж нет, Скай. Сегодня мы попадем в клуб, и ничто, никто нам не сможет помешать! – Дрожащей рукой подруга поднесла ключ к губам и, поцеловав с закрытыми глазами, вновь попытала удачу. – Пожалуйста, заведись.

Карен повернула ключ, и тут произошло чудо – машина загудела, приборная панель вспыхнула светом. Она, хлопнув в ладоши, громко завизжала, смотря на меня и пытаясь, наверное, разделить со мной свою радость. Я лишь изобразила театральный восторг, пристегиваясь.

Подруга гнала, как сумасшедшая. Стрелка на спидометре только и успевала показывать цифры, от которых моих глаза лезли на лоб. Пару раз мы чуть ли ни встретились со смертью лицом к лицу, когда Карен неслась по встречке, шины только успевали жалобно стонать. Я думала это последний день моего жалкого существования, но, оказалось, нет. Мы не попали в аварию и не столкнулись с кем-то, потому что приехали. Я пулей вылетела из салона, тяжело дыша и держась за сердце. Подруга с виноватым лицом выползла на улицу, ожидая, что сейчас начну обрушивать на нее свой гнев, затем захлопнула дверцу и поставила минивен на сигнализацию.

– Ты в своем уме? А если бы мы погибли?! – процедила я, вернув себе спокойное дыхание.

Карен прикусила губу, отходя от авто и пожимая плечами.

– Было бы два красивых трупа. – Ее черный юмор просто не имел границ. – Пошли! Выступление уже, наверное, началось.

Я вздохнула и потопала за ней, мечтая о том моменте, когда сниму ужасно-сдавливающий корсет и смогу полноценно наполнить легкие воздухом.

«Мо» не отличался красотою и изяществом. Клуб представлял собой огромное здание с пошарканными стенами. Возле входа в него висела неоновая табличка с названием, освещая тропинку из гравия, ведущую к нему. Машины стояли по обе стороны от парадных дверей. Людей нигде не наблюдалось, видимо, они все находились внутри и слушали, как поют «Забвенцы». Судя по приглушенным, раздающим по телу вибрации звукам, концерт давно начался. И мы капец как опоздали. Что ж, мне было все равно – я не являлась фанаткой той четверки

парней.

Карен вцепилась в мою руку, затаскивая за собой внутрь. Когда мы оказались в «Мо», глаза заполонил слегка видимый дым и свет прожекторов; да, это целое испытание для них. Мне приходилось щуриться, пробираясь с помощью осторожных толчков локтями ближе к сцене. Подруга так вообще раскидывала народ в стороны, освобождая нам дорогу. Потные тела окружали нас повсюду – они танцевали, терлись друг о друга и делали совершенно неконтролируемые движения под ритмичную музыку. Вспышки света заставляли мои глаза слезиться, и я была на сто процентов уверена, что тушь размазалась. Когда я пыталась осмотреться, обзор загораживала чья-нибудь туша, покрытая испариной. Боже. Люди так дико шевелились, что их вещи буквально пропитались испариной и прилипли к коже. Какой ужас. С помощью Карен и ее руки я не тонула в толпе и, еле перебирая ногами, двигалась вперед, хотя не разбирала пути. Здесь дым, там какой-то сумасшедший табун девчонок с прозрачными майками и выпирающими из-под них сосками, все визжат, музыка бьет по ушам – ну как тут не чокнуться и не заблудиться?

Народ завопил, когда песня стала утихать, а ритм барабана отстукивать непонятную, завершающую мелодию. Мы вывалились из толпы и прильнули к сцене. Я чуть ли не задыхалась – тут был такой спертый воздух, корсет давил, и черт… казалось, что у меня вот-вот начнется клаустрофобия.

Карен сложила руки рупором вокруг рта, прыгая, и пихая меня, чтобы я уподоблялась ее примеру. Она с обожанием, вздернув голову, пялилась на сцену, а я в это время вела борьбу с надоедливым корсетом, пытаясь ослабить ленточки на спине и совершенно плюя на любопытство посмотреть на членов группы «Сладкое забвение».

Песня закончилась. На сцену полетели лифчики обезумевших девушек, и я вовремя успела пригнуться, когда чей-то огромный красный бюстгальтер чуть ли ни лег на мою голову. Фу. Сверху послышалось какое-то шуршание – наверняка парни поднимали «подарки» фанатов. Черт. Я никогда не понимала, как можно брать белье незнакомых людей в руки. Они же носили его. А хотя… кажется, эта ситуация вполне объяснима. В составе «Забвенцев» – парни, большинство их поклонников – девушки с огромными сиськами, и тут в принципе ясно, почему они не побрезгали взять их лифчики.

В микрофон объявили о следующей композиции, а я все продолжала мучить ленточки на спине, больно вывернув шею и перекинув вес тела на одну ногу. Карен, учитывая по звукам, не скучала, и ей, видимо, было глубоко плевать, чем там занималась ее лучшая подруга, ведь она увлеклась «Забевенцами» и не кидала в мою сторону ни одного взгляда.

Короче, это дало мне ясно понять – я должна справиться с чертовым корсетом сама, а иначе – задохнусь.

Когда зал наполнился боем барабанов, и раздался ласкающий звон гитары, вперемешку с тихим, мягким звучанием клавишных, осипший и низкий голос переплелся с музыкой, заставляя каждую клеточку тела содрогнуться от волны прошедшего электрического тока.

Я могу быть как день или ночь,

Я могу быть козлом, но не душкой,

Но тебе ни за что

Я не дам усомниться в себе.

Я бываю плохим,

Но мне это не мешает,

Чтобы не чувствовать себя чужим,

Находясь к тебе чертовски близко.

Ты можешь меня бить,

Ты можешь меня ненавидеть,

Но я не могу укусить

И тем более не способен обидеть…

Я оставила те чертовы ленточки на «потом» и под крещендо подняла голову, завороженная этим невероятно-красивым голосом с хрипцой. Господи. Я увидела, наверное, самые удивительные голубые глаза, какие мне доводилось только видеть. Их обладатель ласкал микрофонную стойку и взглядом хищника осматривал толпу визжащих несовершеннолетних девушек, фонтанирующих

гормонами. Его скулы – широкие и в то же время острые – делали лицо, на котором красовалась нахальная улыбочка, просто мега-привлекательным. Каштановые, мокрые от пота волосы падали на его лоб. Парень был одет во все черное. Честно сказать, он выглядел в сто раз красивее своих скачущих по сцене ровесников, хотя те тоже были вполне привлекательными. Теперь я поняла, почему Карен так тащится по «Забвенцам»…

Ритм усилился, западающая в память музыка взорвалась с новой силой, и парень вновь запел (на этот раз припев), окатывая взглядом толпу. А когда его взор остановился на мне, я замерла. Черт. Мое сердце упало в пятки. Он по каким-то причинам смотрел на меня больше, чем на кого-либо. Пока я насчитала две секунды.

Ты видишь во мне только тьму,

А хотя я бываю светом.

Ты хочешь меня оттолкнуть,

Когда я рядом с тобой.

Беги, беги, крошка,

Но я все равно догоню тебя,

Страстно поцелую

И заставлю думать обо мне.

Беги, беги, крошка,

Но когда я заполучу тебя,

Ты станешь моей навсегда.

Ты станешь для меня светом,

Уж если я тьма.

Ты станешь для меня светом

Единственным и навсегда.

Мое тело сковало. Я не могла пошевелиться под пристальным взглядом одного из вокалистов, который уверенно заглядывал мне в глаза, словно знал все мои секреты и тайны. Я почувствовала себя глупо, потому что стояла с разинутым ртом, наблюдая за каждым действием незнакомца, поэтому немедленно встрепенулась, и приняла серьезное выражение – наверняка получилось убого. Не понимая, почему он выбрал меня объектом своего пристального внимания, я стала оборачиваться, чем вернула себе статус идиотки. Думала, что этот парень пялился не на меня, а на кого-то другого, а оказывается, все-таки на меня. Да что ему надо? Он нагло заулыбался, когда я начала осматривать себя, предполагая, словно что-то не так с внешним видом, а потом мне пришлось прекратить это дело – дошло, что главный красавчик в «Забвенцев» тупо издевается и сверлит меня голубыми глазами просто так. Что вообще ему надо? Тут кучи других девушек, на кого можно не только поглазеть…

Толпа оглушительно завопила, чем заставила меня очнуться и прекратить играть в гляделки с вокалистом. Песня уже закончилась, и я не заметила, что некоторые члены «Сладкого забвения» покинули сцену, оставив у микрофона того странного паренька, который, слава богу, пока не кидал взглядов в мою сторону. Надеюсь, Карен не видела позора, развернувшегося пару секунд назад… Хотя, если она сейчас не задает никаких вопросов, следовательно, не была свидетелем этого…

Подруга схватила меня под руку, что-то выкрикивая, когда незнакомец с глазами цвета моря прислонил губы, растянувшиеся в темно-сексуальной улыбке, к микрофону. Мало того, что она своим согнутым локтем передавила мне руку, так какой-то придурок пихнул меня в спину, отчего я пошатнулась и чуть ли не упала. Стало вдвойне хреново. Первое, за что я ненавижу подобные места – огромное скопление безумцев, которые способны не понять на что при виде своих кумиров…

– На этом мы заканчиваем, но…, – парень на сцене загадочно улыбнулся, заработав от фанатов разочарованные вздохи, – наша вечеринка еще продолжается! – он поднял мускулистые руки вверх; нехотя того, я уставилась на его твердый и выделяющийся пресс, который выглянул из-под поднятого краешка футболки. Матерь божья, его торс словно из мрамора сделан. Когда толпа ликующе завизжала, и вокалист продолжил, проведя пятерней по волосам, я встряхнула головой, переводя взор на его лицо. – Никуда не уходите! Будет весело: танцы, хорошая музыка, выпивка. Веселье до упаду?

Фанаты согласно захлопали. Меня опять толкнули в спину, и я захотела на этот раз повернуться и сказать пару добрых слов тому недружелюбному человеку сзади, но тут неожиданно Карен потащила меня сквозь толпу. Я повернула к ней голову и посмотрела на нее с неким шоком. Она что, собирается уходить? Ведь, обычно, никогда рано не возвращается после концерта «Забвенцев».

– Мы куда? Домой? – сказала я, легонько расталкивая вспотевших людей и радуясь, что скоро окажусь в своей кроватке и спокойно усну. Но не тут-то было. Мое счастье мгновенно улетучилось, когда я увидела за плечом подруги виднеющийся бар и ее довольную и одновременно загадочную полуулыбку. Ах, да, как же ни сходить в «Мо» и не выпить? – Черт.

– Пока не выпьешь со мной «Маргариту», домой не попадешь. – Она щелкнула меня пальцами по носу, я поморщилась. – Машина-то моя, а ключи от нее тем…

Карен не договорила, потому что какой-то высокий человек, явно перебравший с алкоголем, налетел на нее. Послышался пронзительный писк и протяжное: «Ой». Подруга резко отпустила мою руки и наклонила голову, осматривая свою кофточку, с которой капало на пол что-то жидкое и…золотисто-прозрачное? Я вскинула брови, переключив взгляд на парня – он с округленными глазами пялился на нее, сжимая пустой стакан. Похоже, это последний день в его жизни. Знал бы он, на кого пролил… коктейль, убежал бы уже давно.

– Твою мать! – прорычала Карен, смахивая с груди жижу. Когда она мгновенно подняла голову на бедолагу, тот аж дернулся, наверняка осознавая, что его ждут плохие, очень плохие последствия. – Ты, – она указала пальцем на него, – хоть понимаешь, на кого пролил свое вонючее пиво?

Оу, так это пиво. Еще хуже, чем алкогольный коктейль.

Незнакомец открыл рот – не знаю – чтобы что-то сказать или позвать на помощь, но он не успел издать ни единого звука, так как моя супер-дерзская подруга начала кидаться ругательствами, заставляя его оставаться в молчунах.

– Ты испортил мою самую любимую кофту, придурок! Откуда у тебя руки растут вообще? – Карен закрыла рот парню вновь, продолжив: – Хотя это очевидно, что из задницы! И кто тебя учил криво ходить, кретин?!

Я закатила глаза, обнаружив кучку столпившихся рядом с нами зевак, ожидающих настоящего шоу. Решив закончить представление, положила ладонь на плечо Карен.

– Оставь его, он сделал это нечаянно. – Я кивнула парню, замершему и смотрящему во все глаза на Карен. – Лучше уходи.

Незнакомец послушался меня и скрылся в толпе танцующих под тяжелую клубную музыку людей. Карен удивленно посмотрела на меня, а я пожала плечами.

– Ты иногда пугаешь людей.

– Действительно, Грейс?

Я согласна кивнула.

– Тот паренек чуть ли в штаны не наделал. Видела ты его лицо?

Она фыркнула, отворачиваясь от меня.

– Надо было бы надрать ему задницу за это! – она потянула кофту и скривилась. – И за то, что предпочитает дешевое пиво. – Вновь вдохнула «аромат» испорченной жидкостью вещички и тут же откашлялась. – Черт. У него явно дерьмовый вкус.

– Пойдем, – застонала я, хватая ее за локоть и ведя к «дамской комнате», – попробуем оттереть этот… дешевый позор.

Оказавшись в туалете, мы осмотрелись вокруг. Никого не было. Все кабинки пустовали. Чтобы происходящее тут не мог лицезреть никто, я подперла основную дверь бедром, наблюдая, как Карен, ворча, бросает рюкзак на пол, снимает кофту и подносит под струю холодной воды. Потерев немного пятно на белой вещичке, и осознав, что оно просто так не сойдет, подруга захныкала, беспомощно откидывая голову назад.

– Это конец!

Я возвела глаза к потолку.

– Не все так плохо. Ты слишком драматизируешь. Это обычная кофта.

Карен кинула на меня озлобленный взгляд, тыкая пальцем в вещь.

– Она. Моя. Любимая. И в ней я пришла на концерт «Забвенцев»! Черт! – она откинула испорченное изделие, на котором растекалось огромное, желтое пятно, чем-то смахивающее на мочу, и запустила руку в волосы, вздыхая. – Все испорчено! А я так хотела поболтать с теми парнями или хотя бы попытаться это сделать…

Мне казалось, что подруга сейчас заплачет – ее голос предательски дрожал. Я неуверенно подошла к ней, оставив в покое дверь, и оценила состояние кофточки, находящейся в раковине. Да. Дело плохо. От такого пятна нелегко избавиться, если не иметь с собой «Клорекса» [2 - «Клорекс» – пятновыводитель.].

– Слушай, – в голове у меня возникла совершенно сумасшедшая идея, – кажется, я знаю, как сделать эту ситуацию менее паршивой.

Конечно, что не сделаешь ради лучшей подруги?

Я стянула с себя болеро и всучила Карен. Она посмотрела на меня так, будто я сказала, что тайно встречаюсь с Брюсом Уэйном. Мне было, естественно, не в кайф оставаться в одном обтягивающем корсете, из которого буквально вываливалась грудь, но я понимала, как своим… «героическим» поступком помогу ей. Карен пришла на концерт своей обожаемой группы, на нее налетел какой-то пьяный чувак с пивом, испортил ее любимую вещь, а хотя она еще не желала заканчивать пребывание в «Мо», не выпив парочку коктейлей и не поговорив с кумирами. Но как в этой ситуации ни одолжить ей вещь? И да, совсем не важно, что я стану центром всеобщего внимания парней – в этом корсете похожа на легкодоступную шлюшку.

– Скай…

– Надевай, пока я не передумала. Оно немного закроет пятно, – подметила я, складывая руки на груди. Ох, боже, как же неудобно, когда у тебя что-то сильно выпирает… (да, прозвучало довольно странно).

– Черт. Я тебя обожаю, Грейс, – подруга чмокнула меня в щеку и, поправив кружевной лифчик, принялась высушивать пятно на кофте. Я помогла ей это сделать, а потом – надеть болеро. В принципе, желтой сомнительной штуки не было видно, и сочетание вещей – белого и черного – смотрелось довольно классно.

Подруга не переставала меня благодарить. Когда мы вышли из туалета, она направилась к сцене, мол, вылавливать кого-нибудь из «Забвенцев», если те еще не ушли, а меня попросила заказать нам коктейли. Я ленивой походкой направилась к барной стойке. Если бы не громкая музыка, будоражащая все тело, я бы давно уже валялась где-нибудь на полу и видела третий сон.

Конечно, мой поход до бармена не обошелся незаметным: парни свистели мне вслед, кто-то предлагал присоединиться, некоторые просто пялились и показывали жест «супер», отчего я прибавляла в шаге и краснела. Ненавижу, когда происходят подобные вещи. Причем со мной. У меня как бы не было причин стесняться своей фигуры или еще чего, просто терпеть не могла обнаруживать похотливые взгляды на себе. И, учитывая то, что в «Мо» очень часто парни пялились на меня, хоть и одевалась невзрачно, я не любила это место в большей степени из-за этого. Не понимаю, чем их тогда привлекала темноволосая, голубоглазая девушка в закрытой футболке, которая постоянно ходила с кислой миной?

– Две «Маргариты», пожалуйста, – игнорируя громкие свисты в свою сторону, сказала бармену и отвернулась от толпы придурков, выкрикивающих пошленькие предложения…

Парень, стоявший за стойкой, подмигнул мне и принялся выполнять заказ. Пока он заполнял прозрачные стаканы, я почувствовала, как кто-то сверлит мою спину взглядом. Взрывающаяся музыка словно отошла на второй план – теперь я слышала свое громкое дыхание и бешеный стук сердцебиения. Не знаю, отчего мне стало страшно, но я нутром чуяла – человек сзади не желает мне ничего хорошего и явно не входит в ряды тех незнакомцев, любящих пялиться на девушек. По пояснице пробежался холодок, и тут же по ней скатилась капелька пота. Сглотнув, я резко обернулась и спустя секунды поисков обнаружила

высокого парня в черном плаще – его лицо плотно закрывал капюшон. Он стоял среди извивающихся друг возле друга людей, а те будто не замечали его и продолжали энергично двигаться. А потом я увидела, что кто-то из толпы задел его – рука прошла сквозь тело незнакомца, словно тот был не материальным, отчего у меня полезли на лоб глаза. Я подумала, что это мне показалось или еще что, но человек в черном не исчезал и очевидно был виден только… мне. Черт. Я что, брежу? У меня уже начались глюки? Возможно, в «Мо» какой-то «особенный» воздух, который вызывает галлюцинации. И здесь что, у каждого мода глазеть друг на друга продолжительное время?

IV

Я моргнула, и обнаружила, что навевающий мурашки по коже тип в толпе исчез. Его будто и не было раньше. То место, где он был – пустовало. Я невольно задалась вопросом: а ни сошла ли я с ума? Обычно, мне никогда не доводилось быть очевидцем странных событий. А тут откуда не возьмись нарисовался подозрительный человек в плаще, сверлящий меня наверняка ненавистным взглядом, а потом – бах! – и испарился. Черт. Это поддается какому-либо объяснению?

Сейчас я серьезно задумалась над тем, чтобы в свободное время сходить к психиатру.

Когда мне вручили коктейль, я жадно впилась в него, желая побыстрее убрать в горле сухой ком. Карен, наверное, придет не скоро, поэтому решила сбавить обороты и растянуть удовольствие, став медленно пить «Маргариту». Мои глаза скользили по людям, которые все не уставали и продолжали танцевать, в надежде найти того странного паренька и понять, что он был не плодом моего больного воображения, а реальным.

– Не знал, что святоши теперь тусуются в клубах, а не в монастырях, – низкий голос разрезал звук надоедливой песни.

Я содрогнулась от неожиданности и чуть ли не поперхнулась коктейлем, проклиная это чертово место и давая себе клятву, что никогда больше не ступлю сюда, чтобы поберечь свои нервишки. Отложив стакан на барную стойку,

настороженно повернулась, думая, что это сказали не мне, а кому-то другому. Мои глаза уставились в черную футболку, обтягивающую сильную мужскую грудь. Затем взгляд поднялся вверх, отмечая, что у этого незнакомца божественное тело и – остановилась на лице – внешность. Через дымку тумана на меня смотрели двое необыкновенно-бирюзовых глаз, обрамленных черными, как крыло ворона, ресницами. Широкие скулы, сексуальная улыбка – причем идеальная, белый цвет кожи. Когда я взглянула в лицо в целом, закрыв разинутую пасть, то обомлела. Передо мной стоял участник группы «Сладкое забвение». Черт. Тот самый, который пялился на меня во время исполнения песни!

Я почувствовала, как пол под ногами уходит. Что ему надо? Он что, преследует меня? Может, путает меня с кем-то? Нет, конечно, я не собиралась падать в обморок или липнуть к нему, просто была в шоке, что среди кучи фанаток он подошел именно – посмотрела по сторонам – ко мне и сморозил какую-то чушь.

Буквально на секунду я задумалась, что бы тут было, если бы рядом стояла Карен – сумасшедшая поклонница «Забвенцев».

– Что? – тихо спросила я, все еще сомневаясь, что сказанное было адресовано мне.

Парень ухмыльнулся, облокачиваясь о стойку. При тусклом свете прожекторов его пот блестел, и было видно, как черная ткань намертво прилипает к его груди, очерчивая каждый мускул. Святые небеса. Разве такие идеальные парни существуют?

– Я говорю, что места, где много рока и разврата – не твое, – он сощурил глаза, скользя ими с моего лица на грудь. Моя шея мгновенно вспыхнула, следом зардели щеки. Я мысленно поблагодарила «Мо» за хреновое освещение. – Красивый крестик.

Я автоматически накрыла ладонью подарок мамы. Не любила, когда про него спрашивали, ведь дело потом доходило до того, что интересовались, откуда он у меня, что, естественно, мне не очень нравилось, ведь я начинала постепенно вспоминать случившуюся страшную аварию и будто снова все переживала заново.

– А что, такие, как я, не могут посещать подобные места? – съязвила я, проигнорировав комплимент о крестике.

Незнакомец засмеялся.

– Если у них такие штуки, – указал на мое прикрытое рукой украшение, – то не желательно.

Я возмущенно вскинула брови.

– Зачем ты со мной говоришь? – не выдержала, с вызовом смотря на него. – Что тебе нужно?

Парень облизнул нижнюю губу, наклоняя голову вбок. У меня даже в голове всплыла бредовая мысль, что тот тип в плаще был им.

– А что, чтобы заговорить с красивой девушкой, нужен какой-то предлог?

Я демонстративно указала на толпу разодетых девиц, махающих ему.

– Вон, смотри, сколько их! Прошу! На любой вкус и цвет! – хамство во мне было хоть отбавляй. – Только свистни, и они прибегут. Уверяю тебя, ночью ты не будешь скучать. А от меня, пожалуйста, отстань.

Я взяла свой коктейль и взмолила, чтобы Карен побыстрее пришла. Мне не хотелось болтать с «Забвенцем» по многим причинам. Но, правда, я жаждала узнать, на кой черт он пялился на меня и для чего вообще подошел. Про то, что я ему типа понравилась, и захотел познакомиться – не поверю. Тут что-то другое…

Голубоглазый сделал шаг ко мне. На этот раз я подавилась «Маргаритой», а он…черт… он как хренов супергерой постучал мне по спине, да так, что чуть ли кости не сломал, а потом опустил руки на мою талию, удерживая, когда я почти повалилась на пол, и уперся подбородком в плечо.

– Так лучше? – не знаю, о чем он именно говорил: о том, что, увы, не дал мне умереть или о том, что вплотную прижимался ко мне сзади всем своим телом, скрывая в словах пошленький подтекст.

Придя в себя и обнаружив, что мне больше не нужна помощь, я отлетела от парня, как от огня, напоследок заехав ему локтем в каменный торс, отчего он только заулыбался сильнее. Долбанный мазохист!

– Не смей меня лапать!

– Я тебя не лапал, – уверял он, довольно ухмыляясь.

Врун!

– А что это сейчас было тогда? Псевдо-невинный-секс?!

– Я спасал тебе жизнь, Монашка, – он подмигнул. Монашка? – Могла бы сказать «спасибо».

– Да ну! – скорчилась я, абсолютно не веря его словам. – Лучше бы дал мне сдохнуть!

Парень вскинул бровь, приближаясь ко мне.

– Тебе так не терпится отправиться на Небеса?

Я фыркнула. Что он ко мне пристал? Нашел себе жертву стеба? Поздравляю, у него это получилось!

– Катись к черту!

– Оу, – он театрально прикрыл пальцами рот, озираясь по сторонам, – какие словечки! Следи за язычком, дрянная Монашка. Ты же все-таки веришь в Бога.

Если я ношу крестик, это еще не означает, что верю в Бога. Может, он мне служит мне единственным напоминанием о родном человеке, который, к сожалению, покинул этот мир. И вообще, с чего парень уверен, что я верующая?

– С этим еще можно поспорить…

Я сложила руки на груди, окатывая незнакомца сердитым взглядом. Он натянул на лицо сексуальную улыбку и, взяв напиток Карен, непринужденно уселся на стул возле стойки. Затем отпил «Маргариту», смотря на меня и заставляя пыхтеть от гнева. Да что он себе позволяет? В нем что, наглости больше, чем всего остального?

– Что ты так на меня смотришь? – он вальяжно развалился, облизывая влажную губу. Мне захотелось в него чем-нибудь кинуть, но под рукой, к несчастью, ничего тяжелого не было. – Тебе дать автограф?

– Думаешь, тебе все дозволенно, раз ты «Забвенец»? – я ухмыльнулась. Громко. Специально. – Ошибаешься. Ты такой же человек, как все и…

Он зашипел, прислоняя палец ко рту и улыбаясь теперь одним уголком губ.

– … а вот теперь я могу с этим поспорить. Я лучше всех. Я умен, красив, талантлив, – пробежался рукой по шелковистым волосам, привлекая внимание неподалеку стоящих девиц, которые все продолжали махать паклями ему, – привлекателен. А сегодня еще спас жизнь одной Монашки в, – его хищный взгляд обследовал мою грудь, – сексуальном корсете.

Я опять покраснела. Не знаю почему мое лицо заливалось краской, ведь его «комплименты» я не воспринимала в серьез. По крайней мере, мой мозг не воспринимал в серьез, а предательское тело, по видимости, – да.

– А ты всегда поднимаешь сам себе самооценку?

Незнакомец отложил коктейль и встал, принуждая меня отступить назад. Мало ли что собирается сделать и тем более, я не хочу, чтобы он ко мне вновь прикасался. Хотя, кого я обманываю? Было достаточно приятно, когда этот парень…

Так, стоп, что?! Черт, я уже начала превращаться в извращенку.

– Нет. За меня это делают другие, а я просто повторяю все, что они говорят мне.

Рука «Забвенца» взметнулась вверх, и тут же его (не побоюсь этого прилагательного) шикарное тело облепили курицы. Каждая была «краше» другой. Иногда я мысленно интересовалась: а действительно ли миф то, что подобные девицы носят хотя бы стринги? Когда они запустили свои ловкие пальчики под его футболку, меня чуть ли не стошнило. И я решила не скрывать свое отвращение, держась за горло и издавая неприятные звуки, отчего заполучила довольную улыбку от «сутенера», которого окружили «ночные бабочки». Ему кажется это забавным или что? Ах, да, я же сейчас выгляжу как полная идиотка.

Надеюсь, этот придурок не любимчик Карен из всей группы…

Черт. Я в самом деле не ожидала, что произойдет нечто подобное. Знала бы – не вылезала из дома или лучше бы не брала трубку, когда звонила подруга. Мало того, что обрела… врага (да, именно врага), так вдобавок и опозорилась в этом ужасном корсете, в котором невозможно нормально дышать.

Никогда в жизни больше не надену то, что притащит Карен. Пора бы уже «уволить» ее с должности моего личного «стилиста».

– А если я скажу, что ты самодовольный болван, повторишь это? – поинтересовалась я. Группка парней, ошивавшаяся неподалеку и выкрикивающая что-то мне, смылась еще тогда, когда ко мне подошел Мистер Само Совершенство, и я это заметила только недавно. Не хочется в это верить, но они либо напугались подошедшего ко мне парня, который, наверняка укладывает свои волосы с помощью фена и наносит тональный крем (потому что такой идеальной кожи, как у него, не бывает), либо поняли, что от меня им ничего не добиться, поэтому свалили. Кажется, первый вариант более правдоподобен, ибо как пьяные, еле стоявшие на ногах остолопы, могли пропустить пассию вроде меня, разодетую, словно девушка легкого поведения.

Мой больной мозг невольно нарисовал картину, где этот «Забвенец» шагает по улице с феном в руке – он развивает его каштановые волосы, играет песня Black Strobe «I`m a Man», при это действует эффект замедленной съемки, а от него с криками и дикими воплями убегают парни, запинаясь и оглядываясь.

Девушки, сия «богини», внимания которых не достоин кто попало, посмотрели на меня с отвращением и, как бы показывая, что парень принадлежит только им,

облепили его плотнее. У меня так и возникло коварное желание, чтобы они своими тушками перекрыли ему доступ к кислороду.

– Разве я тебе не нравлюсь, Монашка? – он вскинул бровь, отодвигая одну из девиц в сторону, словно та была обычным надоедливым предметом.

Я давно предписала ему много нехороших качеств, одно из которых – чрезмерная самовлюбленность.

– А почему ты должен мне нравиться?

Я ненавидела таких парней, как он. К ним никогда не питала симпатию или нечто подобного. Мне вообще нравилось мало парней. Предпочтения я отдавала милым, общительным, умеющим шутить, а не дерзким придуркам, самооценка которых находилась на уровне выше, чем небо. К несчастью, мне никогда не доводилось встречать того самого. Хотя, Брэндон – мой друг – идеально подходил под все критерии, но я не воспринимала его как нечто большее, чем парень, с которым можно просто поболтать и повеселиться в каком-нибудь баре после изнурительного рабочего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19413579&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Кебаб (от перс. kabab «жареное мясо») – блюдо азиатской кухни, которое традиционно готовят из рубленой баранины, жаренной на шампурах.

2

«Клорекс» – пятновыводитель.

Купить: https://tellnovel.com/ru/syuzen-makklayn/ruhnuvshie-nebesa-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить